

Иосиф БРОДСКИЙ:

Под разнеженным итальянским небом корреспонденты популярной «Стампы» встретились, правда, в разное время с русским поэтом Иосифом Бродским. (Именно «русским», оговоримся сразу и категорично дабы в дальнейшем ни у кого не возникло никаких сомнений). У Серджи Тробметто вышло свое интервью. У Алан Элкан — свое. Между тем, «ЭС» позволила себе две маленькие дерзости. Первая схожа с той, что когда-то совершил знаменитый Ференц Лист, сложив воедино два разных произведения Николо Паганини. Вторая — перевод с итальянского на русский текст, «отцом» которого, вероятней всего, изначально был английский.

И подобные дерзости удались. Две беседы с Иосифом Бродским — одна звучная мелодия.

Он продолжает курить. Хотя вроде бы и не должен — после этих своих инфарктов и прочих недомоганий. Продолжает любить красивых женщин, что не может быть противопоказано. Его теперешняя жена — стройная красивая итальянка с копной золотых волос, собранных на затылке. И он продолжает жить в изгнании — вот уже более 20 лет.

Но сам Иосиф Бродский изгнанником себя не считает, на сегодняшний день возвращается на свою Родину не собирается.

А вот в Италию он возвратился. Оставил Швецию, где обычно работает, — ему нравится работать в северных широтах. На Апеннины приехал, чтобы присутствовать на открытии выставки «Русский символизм», посвященной художникам начала века, сгруппировавшимся вокруг Дягилева.

Выставка состоялась в Венеции. Этот город в одной из своих книг он вспоминает с усмешкой — именно сюда он попал почти без гроша в кармане много лет назад. Тогда Бродского приняла одна знатная итальянка, которая исповедовала коммунизм и звала себя русисткой. Она отвела поэта в пансион, где воняло мочой.

— Венеция — город на воде, как и Петербург. Может быть, это хоть немного уменьшает вашу тоску по родному городу?

— Нет, а все потому, что я не чувствую себя в изгнании. Я просто живу на Западе. Личная драма не может длиться двад-

— Да. В каком-то смысле чувствую себя поэтом конца девятнадцатого, начала двадцатого века. Каждый поэт этого времени непременно создавал нечто под заголовком «Испанский танцовщик», или «Портрет женщины», или «Бабочка». Я тоже должен был написать нечто подобное.

— Вы возвратитесь в Россию, в Санкт-Петербург?

— Еще не знаю. От этого шага меня удерживает много причин. Прежде всего не хотел бы снова увидеть свою первую жену — нельзя входить в одну и ту же воду дважды. Потом мне претит идея быть встреченным лестью и почестями. Я бы чувствовал себя как человек, сумевший сделать деньги, и вдруг попавший в окружение людей, вынужденных нищенствовать. Трудно смотреть в лицо бедности. Не могу чувствовать себя покойно и свободно, разъезжать по разным странам в качестве туриста, щелкать фотоаппаратом. Ехать в Россию на два-три дня или на неделю и потом сесть в самолет и снова вернуться сюда не имеет смысла.

— Однажды, еще во времена перестройки, вы описали Горбачева как человека внезапно разбогатевшего, который увешивает стены дома семейными портретами. Вы по-прежнему так считаете?

— Впервые я встретил Ми-

тая выпустить рентабельные книги. Поэзия не обогащает. Поэт сегодня не видит перед собой блестящего экономического будущего, — даже если он конформист.

— Из всего виденного в Сан-Джорджо на выставке художников из окружения Дягилева, что поразило вас больше всего?

— Высокий дух элегантно-сти, который характерен для искусства периода «Серебряного века». Эти художники были готовы пожертвовать чем угодно во имя элегантно-сти как таковой, но они не пренебрегали при этом глубинной сущностью своего искусства.

Хочу рассказать о судьбе двух людей этой эпохи. Один из писателей этого периода, не самый известный, — Юрий Юркин — умер в лагере в конце тридцатых годов. У него была жена, актриса. Жили они в Ленинграде. После ареста женщины долгие годы любовно сохраняла все написанное им, все его рисунки, созданные за много лет. Во время войны эта женщина уехала из Ленинграда, а, вернувшись, обнаружила, что все было сожжено человеком, которому она доверила архив. Погибло все — кровь и смысл их супружеской жизни, сама суть любовной связи. Тогда

хаила Горбачева в Вашингтоне, в Библиотеке Конгресса. Он приехал туда на встречу с представителями науки, политики, с историками и журналистами. Зал был переполнен людьми. Он вошел, сел и начал отвечать на вопросы присутствующих. И вдруг я почувствовал, что в зале есть еще кто-то. Я увидел две огромные ноги, они продвигались вперед. Это был рок, судьба. Никто ничего не замечал, никто не отдавал себе отчета, с кем он имел дело. Горбачев был просто орудием судьбы. У судьбы есть свои орудия на каждый случай, даже на случай политических перемен. Горбачев был одним из таких орудий. С первого взгляда этого не скажешь, но его выдают карие глаза. Интенсивность, напряжение взгляда несоизмеримы с его внешним обликом. Это любопытное несоответствие.

— А какие чувства внушает вам Ельцин?

— Я не питаю к нему никаких особенных чувств. Я, как собака, реагирую на лица и на поведение людей. У Ельцина лицо обиженного ребенка, он один из тех, кто не прощает обиды и мстит. Хороший политик? Может быть. Но я не верю, что он продержится долго. Сейчас в России лидеры часто меняются. Думаю, что Ельцин останется у власти еще два, три года.

— В прошедшие десятилетия писали, что русский народ лишен свободы, зато страстно увлекается поэзией. Сегодня в России можно печатать и читать все, что захочешь, но, однако, в Санкт-Петербурге, например, создается ассоциация по защите поэзии, есть жалобы на невозможность издавать стихи. Русские больше не любят поэзию?

— Читатели еще есть. Но существует и финансовая проблема. Прежде в России печатали книги, не думая о том, что их надо быстрее продать и получить прибыль. Сегодня издатели обеспокоены этим, они хо-

она написала письмо мужу в лагерь, не подозревая, что его уже нет в живых: «Надеюсь, что ты жив, но не думаю, что мы еще встретимся. Я решила положить конец моему существованию, потому что все наши рисунки, все, что было написано, погибло, уничтожено». Сохранение даже одного рисунка, одной картины, одного воспоминания об утраченной культуре 20-х годов было миссией поколений и поколений русских интеллигентов.

— Многих друзей, которые были с вами близки, больше нет. Геннадия Шмакова, тоже уехавшего из России, как и вы, которому вы посвятили несколько стихотворений, Джанни Буттафавы, переводчика ваших стихов на итальянский язык, который познакомил вас с итальянцами. Вы ощущаете эти утраты?

— Да, я один. Со дня кончины Буттафавы прошло много времени, но я до сих пор не решаюсь вернуться в Рим. Это как прерванный разговор. У меня нет больше итальянского переводчика. Я как бы остался без части самого себя.

— И живете до сих пор как бы в ссылке...

— Я повторяю, что живу на Западе уже двадцать лет и не считаю себя изгнанником. Это было бы слишком мелодраматично. Я не жертва, и слыть «таковой» не хотел бы. Сейчас это в моде, уже появился определенный статус — быть жертвой. Многие только и могут сказать про себя, что они — жертвы. Больше им сказать нечего.

— К этой категории вы причисляете и евреев?

— Сегодня евреи не жертвы. У них уже нет привилегий страдальцев. Во время последней войны в концентрационных лагерях погибло шесть миллионов евреев, но погибло и двадцать миллионов русских.

— Что вы думаете о воз-

рождении антисемитизма в Европе?

— Антисемитизм как правило процветает в обществе с экономической и политической нестабильностью. В Германии это произошло в период Веймарской республики. В России же экономической стабильности не было никогда.

— Что вы думаете о нацизме?

— Нацизм — это национал-социализм. Он существовал только в Германии. Я не верю, что нацизм в крупных масштабах может когда-либо повториться. Не могу судить о степени серьезности недавних антисемитских эпизодов в Германии и Италии. Эти группы состоят в основном из молодежи, а это свидетельствует, что антисемитизм еще не полностью отошел в прошлое.

— Чем отличался тот антисемитизм, с которым вы столкнулись в России?

— В России антисемитизм имел место во всех возрастных группах, даже в деревне. Государство это допускало.

— А как бы вы охарактеризовали антисемитизм в сегодняшней России?

— Сегодня государственные структуры России не могут

В ОДНУ ДВАЖДЫ»

больше позволить себе того, что позволяли раньше.

— А вас лично пугает антисемитизм?

— Нет. Вообще я доволен своей жизнью, мне нравится жить в Америке. Не очень верится, что антисемитизм такая уж большая проблема для европейцев. Экономические трудности, кровь, которая беспрерывно льется в Югославии — вот это действительно проблема. Мне больно и совестно, что там каждый день умирают люди.

— Как можно изжить антисемитизм?

— Антисемитизм — это прежде всего предрассудок. Люди больны предрассудками и подпитывают их, чтобы оправдать собственную неудовлетворенность реальным положением вещей. Проблема становится серьезной, когда предрассудок превращается в систему. Думаю, что антисемитизм нельзя уничтожить. Очевидно, можно заметить его другим предрассудком — но не знаю каким, и потому не могу ответить на этот вопрос. Может быть, когда люди смогут выражать свою неудовлетворенность законным способом, и не только во время выборов, общество освободится от расовых предрассудков.

— Вернемся к проблемам вашей родины. У вас нет никакого желания участвовать в ее возрождении?

— Единственное, что меня интересует в будущей России — это ее литература. Культура, и в частности, литература, не зависят от политических реалий, как многие хотели бы представить. Здесь играет роль интеллектуальный гений и культурное наследие. В России достаточно того и другого.

Перевела с итальянского
Марина АРКАДЬЕВА.